

П Р О З А

Петр Кожевников

КАЛЕКА

Жене Иванову

Город

После больницы город нов. Ты, кстати, тоже... Так и болтаешься: новый по новому городу. Прячтись! Магазины. В них тоже изменения: рекламы больше, товаров меньше. На пусты - мясной. На цепях загадочно покачивается бычья голова. Внутри изобилие башмак с томатной пастой и соевыми бобами, причем товар представлен разноименными группами, так что, пока глаз заметил, но еще не определил всего, может показаться - продукты разные. Имеется, правда, третий вид товаров: это свиная голова. Она - единственная на прилавке. Пятачок ее разбит, морда в рубцах, пасть приоткрыта в лукавой улыбке, замороженные глаза ханжески закатились, уши висят, выражая покорность.

Рядом с мясным - "Восточные сладости". За стеклами - пакетики с супом, сухари. Сахар. Выхожу.

Что-то нужно? А! Закурить. Сейчас куплю сигарет.

У ларька старуха. Вспоминается сова. Причем не живая, а чучело. Вследствие небрежного обращения изделие деформировалось. Перья пропитаны пылью. В довершение всего некто скватил муляж за ноги и, глумясь, отволтузил о стены и углы шкафов. Шкафы застекленные, деревянная часть орошена лаком. Где-то на мебели - овалы инвентарных номеров. Знающему этот вид птицы еще меньше напоминает живое.

- Скажите, а за час оно не растает? - спрашивает старуха в освещенный квадрат павильона.

- Нет, мать, не растает. Больно крепкое, - смеется продавец в лицо мужику, говорящему с ним через ~~стекло~~.

открытую дверь.

— Прима, — прошу, вручаю деньги.

— Как вы думаете, за час оно не растает? Я хотела еще погулять, — изучает меня старуха.

Я не отвечаю. Я иду дальше. На моих глазах — слезы.

Как дивно прижать к металлической спинке ноги она холодная и это блаженство постоянно прижимаю как-эздорово. мыть руки холодной водой когда сильный жар я часто думаю была ли у меня до-больницы моя жизнь иногда чудится что я здесь торчу вечность а вдруг кажется только со вчерашнего дня как же я ору когда мне больно-ци о чем не думаю ничего не желаю лишь бы прекратилось страдание не мечтаю о том чтобы выжить или умереть молю Бога о том чтобы закончилась эта пытка как я молил Его чтобы проснуться и очутиться дома в своей постели у меня дома около кровати за спинкой на стене сооружена система для включения ламп дневного света телевизора и магнитофона я часто со сна машинально тянувшись рукой за прутья койки но там конечно ничего нет а как хочется ткнуться в родную стену.

Прошлой ночью, замерев у окна, я шептал: Неужели в черноте ночи, размалевавшей себя огнями, не существует той, единственной, которая, я знаю с детства, предназначена мне? Где же она? — упирался я в щель. — Почему не явится сейчас, когда я, любовь ее... Я выходил на балкон и заглядывал внутрь комнаты через стекла. Это доставляло удовольствие. Очень успокаивало. Не то чтобы уютом помещения, — в нем, наоборот, присутствовал хаос, милым оказывалось то, что зажжена настольная лампа, на столе разбросаны вещи, сейчас, может быть, кто-то войдет. Вторгался я сам, но как бы наблюдал себя со стороны — тогда становилось тревожно. Навоз можно было избавиться от присутствия кого-то еще. Задрапированные окна, казалось, все же позволяют заглянуть в какую-то щелку и меня увидеть.

Сегодня я еду на дачу. Мне необходимо там побывать. Там осталось нечто необыкновенное, чего никогда не обрести, то, что, единственное, должно мне помочь остаться.

Морг

— Он живой! Откройте ему лицо! Дема! — так орала женщина, вдова его, покойного. Однако же, суетясь подле тела, не решалась отдернуть пристыню, а лишь касалась его ладонями, и почему-то именно живота, виду того, привлекающего взор, как явление чрезвычайное во всем виде мертвца...

— Дама, успокойтесь. Все в порядке, — так пыталась уго-монить вдову однорукая и пьяная сестра-хозяйка, облокотясь о каталку.

Меня охватило приятное оцепенение. Очарованный непередаваемым проникновением в некие секреты жизни и смерти, я замер и не сразу почувствовал боль от ожога, причиненного сигаретой, спрятанной в руке.

— Посмотрите, он дышит! — Вдова — врачу, утомленному.

— Мама! — Это дочка, несколько раздраженно.

— Клавочка, скомандуйте ребятам завести в вашую комнату, — врач — сестре-хозяйке.

Вечером Вика попросила меня о помощи. Оказалось, только что до нас в морг свели с терапии. Замок забарахлил, и ключ не сумели извлечь, так же, как и отомкнуть дверь. Мы пошли, и я отпер дверь. Ключ действительно не вынимался. Мы отправились на отделение, оставив дверь отворенной.

— Что, отвезли? — выпучилась санитарка.

— Нет, тетя Дусь, — ответила Вика, — сейчас поедем.

Хорошая будет шутка, — подумал я вслух, — если кто-нибудь зайдет в покойницкую, разоблачится и ляжет на каталку или в гроб, а как зайдем — выскочит.

— А был у нас такой случай, — оживилась Дуся. — Войну в полевом госпитале служила, работал у нас фельдшер-весельчик, вот он однажды троих мертвцов одел и расположил в карты играть. Каждому в руки вложил карты, а одному так папиросу в зубы вставил. А у нас был профессор, что ли, — главный; вот он, значит, зашел, глянул, как этот-то фельдшер с отошедшими в дурня режется, да еще одного толкает и бранит: "Твой ход! Сдох, что ли?" Ну, этот, как его, ответственный, тут на месте богу душу-то и отдал.

— Мы зашли в вашу.. Над раковиной навис дряхлым задом старик и промывал свой геморрой.

- Разве так мертвым службу служат? - улыбнулся я ему.

Ветер раздувал простыню, которой мы укрыли труп. Он лежал ко мне головой. Через полотно выпирал нос, а лицо напоминало шестиугольный блин. Временами ткань прилипала к лицу, и черты его становились понятны. И еще. Простыня забивалась в открытый рот.

— Очень не люблю, когда разевается простыня, — обернулась, чувствуя порывы ветра, медсестра...

В прощальной комнате стояло два гроба. Один был закрыт, но неплотно, и щель между его половинами настораживала. Во втором лежал кто-то, скрытый под марлей, под которой угадывалась гипсовая маска. Такие две загадки, как вуаль и маска, уже не могли испугать — лишь позабавить. В камеру, куда предназначался наш груз, дверь была распахнута, и в ней, освещенной с улицы неоновым светом, лежал труп мужчины: в проеме он был виден по грудь. Когда "наш" покойник съезжал на местную каталку из прощальной ворвался истерический скрежет по металлу. — А-а-а!!! — завопила Вика и по ребячьи затопала ногами.

Вика. Я отчетливо вижу, как мечешься ты в обеденный перерыв по улицам, несмотря на то, что в магазинах все знакомо; здесь молочный: детское питание, маргарин, сырки плавленные и вряд ли что интересное; здесь мясной: жир и кости, котлеты, которые разваливаются на сковородке, кочаны капусты, покернёвшие с какого-то краю и тоже — ничего нужного; обувной: резиновые сапожки-корытца, заставляющие вспомнить (почему именно ее?) Рину Зеленую, "румынки", туфли домашние, шитые серебряной нитью, с восточным арнаментом, даже сапоги, но такие, что страшно вообразить в них свою ногу. Я отчетливо вижу, чувствую вкус рожка с повидлом, который ты берешь, пытаясь утешить нечто, несносно закопошившееся в душе, или песочный коржик, обстрелянный орехами, который жуешь торопливо, ловя крошки ладонью. Я вижу, вижу, как ртутным столбиком перемещаются твои зрачки: голландские сапоги на ком-то, пальто кожаное на ком-то, кто-то в белом автомобиле, кто-то в окнах квартиры, — и он, может быть он, шагающий навстречу, — с, нет, опять не для тебя.

Вокзал

На перроне - безумный. Одежда, как шелуха печеной картошки. Мнёт клочок бумаги. Что-то бормочет. Развязан. Он противопоставляет себя диктору, в ее же лице - всему официальному порядку.

- Граждане, не сидите на цепях ограждений!

- Сидите, сидите, - лопочет безумный, и вдруг так громко, что его слышно на значительном расстоянии. - Рвите ограждения!

- Граждане, не ломайте скамейки и урны на территории вокзала!

- Ломайте скамейки, бейте урны, - бубнит он, массируя материал бумаги.

- Поезд из Гатчины прибывает к третьей платформе...

- Поезд из Гатчины не прибывает! Не будет поезда! Не ходите на третью платформу!...

Моряк-полковник и женщина в розовом платье, с розовым лицом и в черном парике ведут окаменевшего курсанта с бакенбардами. Когда спутники его попаременно отпускают, руки ведомого гипсуются в воздухе. Поменяв хватку, они транспортируют хмельного дальше.

Милиционер хватает за локоть пьяного горбuna: так ловит в метро контролер не заплатившего пятак школьника. Сразу ясно, что можно, в общем-то, и не держать плохо справляющегося с равновесием инвалида. Сержант разжимает кисть.

- Что? - выпучивается поверх айсберга груди пьяный.

- Ничего, - как-то не находится сразу блеститель.

- Почему? - отыскивает слово задержанный.

- Кши отсюдова, вот как! - озаряет милиционера.

Вокальный буфет переполнен, но едящих мало. В основном люди здесь передвигаются и осматриваются. Рядом со мной - немой. Он безвольно навалился на стойку, сладко отдавшись еде. Жуя, он, словно зверь, прикрывает глаза.

Какое счастье смотреть телевизор так словно бы нехотя ах опять эта скучота а сам уставишься и жуешь что-нибудь присланное из дома в ногах В НОГАХ разместился какой-нибудь тюфяк из аппендицитников или раковых никакой разницы

в этом нет когда есть..домино беломор советский спорт тетя..
Дуся Вика шприц на два куба кроссворд ночное чаепитие отра-
жение

Еще одна болтушка. Она тараторит непонятный текст, пе-
реходя от стола к столу и собирая пищу. Полиэтиленовый ме-
шок полон. Она удаляется к окну. Спиной ко всем, волю отдаёт
ется болтовне. Голова по-сорочьи выполняет наклоны в сторо-
ны. Поворачивается в зал, будто ее окликнули. Лицо - просты-
ня с брызгами ворованной клопом или регулами кровью на ней -
губами алыми и воспаленными глазами. Конским хвостом пук
волос, перекрученный у затылка. Глаза полузакрыты, в них -
величие. Кто она: графиня, императрица? Встречаемся взглядами
Внимательно изучает, продолжая что-то монотонно приговари-
вать. Вращает головой.

Ствол подсолнуха не заканчивался празднично-воинствен-
ной гравий окаймившей соты семян и вид его большой рост
казались нелепы сам он удивленно растопырил листья как же
так зачем-я рос да это выглядело нелепо до непримичия..

Вначале я понимаю, с ними что-то не так, проникаюсь ра-
достным чувством оттого, что уличил чужую неоконченность,
потом определяю: это босоножки, черные, они не застегнуты,
точнее, расстегнуты, потому что данный вид приобрели в вагоне,
когда хозяйка с приятным чувством села на скамью.
Женщина утомлена. Она из тех, кто любит подшучивать над по-
другами, вернее, была такой по своему типу, теперь - все.
Так дети усердно, но все же неряшливо чернят веки куклам.
Потом игрушка теряется и висит пузом кверху в заболоченном
пруду, тушь же, осмолившая глаза, делает их еще более наив-
ными и удивленными.

Глаза растопырены, как у растерянного малька, пальцы
сплелись. Я чувствую, что вполне могу задушить ее, она
взволнованно--в меня при этой мысли впивается. Я понимаю,
что мог бы закончить не только ее век, а вот того, той, то-
го, - все это быстро, с истошным криком! Сидящая ерзает,
тревожно пролистывает лица в вагоне и вновь останавливается
на мне. Я выключаю мышление, охватываю взглядом пространст-
во вокруг "малька" и прыжком добираюсь до своего окна, за-
которым все то же: бревна, защищающие людей от внешнего ми-
ра, зелень, годящаяся для пищи.

Дача

Большинство домов стало двухцветными. Заодно со строениями раздвоились территории садов. На обеих сторонах прибавились гаражи. В них, распахнутых, как в конюшнях— лошадиные снасти, висят цепи, резина, тресы, все это озаряется мутно-голубым светом, клокочет музыка, как изнутри автомобиля, так и вне его: из радиол, магнитол и прочей аппаратуры, притулившейся на стеллажах с нитроэмалями, фарами, бутылями.

Детьми мы гонялись за "москвичом", когда он, единственный на ходу, серый, круглый, словно чин в шинели, перекатывался по ухабистой дороге. На приколе стояла довоенная и, вероятно, дореволюционная модель "форда". Что было еще? Пара мопедов, за ними тоже неслось, как собачонки за кобылой, ребятишки.

И тут я увидел "москвич" — пракх его. Среди бракованных паркетин и тарных досок, предназначенных огню, врылся он в землю. Он являл собой череп: нос отгнулся, сквозь навсегда удивленные глазницы протрассировали антенны малины.

Вот и дача. Двор (половину его) запрудил згненный "жигуль". Водитель покачивается, усыпив мотор, то время, за которое на пороге дома возникает Юрка в тренировочном костюме, приветствует тестя и начинает производить разгрузку.

— Здорово, — приближается Юрка к забору.

— Ну как? — наваливаюсь я на штакетник.

— Сейчас разгрузимся, — он выбивает нам по папирюсе.

— А. — После десяти лет без встречи. Юрка выглядит, — как кот, угодивший в воду. Можно, наверное, погладить животное по переносице, или у основания ушей: оно не замурлычет сразу, потому что перед тем как расслабиться, ему необходимо несколько обсохнуть.

Он мечтал: десантные войска, благодаря чему станет непобедимым в уличных схватках; институт торговли, чтобы стать директором универсама, благодаря чему избыток в доме; жена-актриса, чтобы любить ее пылко, раздевать и укладывать спать. Он мечтал.

В теплице кто-то ворочается. Юркина бабка померла. Мать? Не слишком ли полна? Перегородила вход, рука козырьком, направляется к нам. Близко и настороженным голосом — кто я? — здоровается. Глаза косые, потому смотрит на тебя только одним, вторым же в сторону — что там происходит?

— Моя жена, — пригласительный жест в ее сторону. И дальше, будто представляет мне двоих, — Люда.

— Прокатимся до озера, купнемся, — угощает меня поездкой Юрка.

Я отступаю от забора, но удивленное "ты что?" и улыбку Юрка успевает разрядить неуклюжими движениями рук, в итоге вцепляясь в поперечную рейку и отжимаясь.

— У меня протез, — беру я даму треф, если это "козел", шестерку пик, если "шамок", шпагу Лазарта...

— Я верх продал, — повернув головой, Юрка находит выход. Но здесь большее: обе наши жизни, такие нескончаемые еще недавно — коснись! — на выбор: роскошь, радость, здоровье, и вдруг, в общем-то, завершенные, — как сморщился он, может быть, это его отец щурится от пегого дыма, те же сапоги, тот же кителль (дедов?). Неужели это все?

— Здесь магазин как?

Болван! Ну, почему не о том, но как легко стало Юрке — думал, не поймет иного, — понял и вздохнул легче, что не тронул: через месяц соберет плоды, часть продаст, тестя добавит — машина. Сколько вас, утешений, спешащих к нам, когда каморка нашей жизни внезапно разверзает стену: посмотри-ка!

Я тоже хочу всего: велюровую тройку, квадро-комбайн, — "тойота". Я жажду любви, славы, бессмертия. Но теперь у меня только одна нога, правильнее — полторы, и что я способен вытворить, чтобы удивить мир?

Этого не будет никогда! Теперь я знаю: гнусное томление в очередях или еще более гнусное: пропустите инвалида, унижающие милости женщин, беспомощное подпрыгивание в течение 40-50 лет. И НИЧЕГО ИНОГО.

— У тебя две ноги, а что ты можешь? — спрошу через пару часов, когда разольем остатки второй поллитры белого или розового, наплевать. Юрка, еще закусывая, смеясь нос к уху, на меня выкатится, тогда уже можно будет играть в

полную силу, выражая тем не менее куда больше, чем оперевшись с разных сторон об ограду.

— Как? А это что? — наверное, очертил Юрка радиус своих владений, включая жену и дочку, тестя с "жигулями", и еще нечто таинственное, неизвестно, существующее ли, его великое призвание в жизни, и, сопряженные с этим, как само собой разумеющиеся, богатство и всемогущество.

— Ты, я слышал, пишешь рассказы? — так ранит он меня.

И я:

— Нет-нет, я об этом ничего не знаю.

Дом

Подобно тому, как колдуны, исполняя ритуальный танец, вызывают дождь, — снуют с рассвета алкоголики по дворам и переулкам, материализуя своей энергией бутылку. Та же доля и мне — что еще? Я — сломан. Ничего кроме правды! Как это будет? Воспоминания о предыдущем дне, предыдущей пьянке. Планы на текущий день. Поход к пивному ларьку. Идиотский разговор с идиотами. Завершение его: по рублю? День. Бутылки и закуска. С охмелением пробуждается озлобленность. Или так, по этапам: 1) Любовь ко всему сущему. 2) Ненависть ко всем и вся. 3) Вселенское горе. Где-то существует друг или был да это Юрка жившие в разных домах мы даже спали вместе. Да я сбежал ночью из дома, таконько вылезал через окно в сад, крался и проникал на соседский участок Юрка ночевал на чердаке в сарае я подымался к нему мы курили и говорили всякие пакости я рос без отца мне нравились мышцы на юркиных предплечьях. Да, существует еще кто-то, вроде как приятель: он льет гипсовых будд, используя для технических нужд репродукции Джоконды. Если повезет, будут девочки. Может быть, будет жена. Пьяный, я изгоняю из дома жену. Девочка — очевидно, — подруга жены. Мы выползаем из квартиры поодиночке. Мы забираемся в подвал. Вернее всего, мы наслаждаемся друг другом в парандой. После этого — добавка алкоголя у формовщика будд. Беседа. Думы о похмелье. А потом, что будет потом? От нее будет пахнуть, как от запревшей тряпки, зубы желты и поломаны, она радостно улыбается, замскивая, — нальют ли?

Да, изо рта пахнет, как из недр уборной. И зубы, они ведь коричневые, и сточены, как у крысы на закате жизни.

Хочу чтобы все это оказалось каким-то страшным сном-кошмаром я ведь никогда не болел слышил самим здоровым среди сверстников это потому что мама всегда предупреждала у меня развитие болезни как что заболит так она сразу спросит буду ли я есть таблетку я соглашался и ел прямо жевал а теперь предложи мне таблетку ни за что я ее просто выброшу.

Ржавые (наверное) цепи, что же еще; качаясь, звучат, и стон их, пульсируя по звеньям и опоре, передается камню и земле и маятником отмеряет мое забвение. Из всех движений ума и тела, что ведомы мне, отличаю направленное в мокрую сторону - кто? Зачем? Неизвестно. Вибрация, и только. Нес уверенность, но рвение. Что же все-таки? Я жду, давно жду. Помню. Но что в том? Если бы сейчас... Ближе. И вот уже ясно: ко мне. Вариться в кипятке, пожираться муравьями - что это мне, отведавшему землю? Приди! В обмен на все муки - миг встречи. Что сказать? О чем? Что такое страх? О, эти грязные подошвы, шорох замшелых листьев, суeta насекомых в кипе их и все то, что дальше, до меня, -- как преодолеть, -- как сообщиться с фигурой, тень которой мазнула улья трамарином траву и камень? Остановись! Замри: слышишь? Я видел, как падала звезда, я загадал!

=====

=====

=====